

ОТЗЫВ

официального оппонента Бугославской Ольги Витальевны о диссертации Ли На «Миф о Москве в «Московской трилогии» М.А. Булгакова («Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце»», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. – Русская литература.

Творчество М.А. Булгакова изучено на сегодняшний день всесторонне и досконально. Корпус научных текстов, посвященных этой теме, весьма и весьма обширен. Тем ценнее любая удачная попытка сказать что-то новое по тем вопросам, которые, казалось бы, уже давно и хорошо изучены. К числу такого рода удач можно смело отнести диссертационную работу Ли На, которая буквально изобилует интереснейшими идеями, нестандартными сопоставлениями и неожиданными комментариями уже известных фактов.

Во Введении обосновывается актуальность работы, обозначается ее цель и задачи, предлагается обзор специальной литературы. Главным же образом вводная часть посвящена истории параллельного развития петербургского и московского мифов в русской литературе и формирования их антитезы. В качестве опорных текстов автор называет прежде всего поэму А.С. Пушкина «Медный всадник», петербургские повести Н.В. Гоголя, романы Достоевского и Толстого, а также произведения А. Белого, А. Платонова и, конечно, московские повести М. Булгакова и его роман «Мастер и Маргарита». Здесь же автор подробно останавливается на истории создания повестей «Дьяволиада», «Роковые яйца» и «Собачье сердце».

Первая глава диссертации посвящена рассмотрению повести М. А. Булгакова «Дьяволиада» в контексте московского мифа, с одной стороны, и развития гоголевской традиции в русской литературе – с другой. Детальный анализ приводит автора исследования к выводу о том, что в повести «Дьяволиада» происходит сближение петербургского мифа с московским. Избранный ракурс позволяет автору работы представить данную повесть в качестве этапа создания романа «Мастер и Маргарита», своего рода наброска к нему.

Диссертация содержит множество точных и метких наблюдений, касающихся общности сюжетного построения, ряда мотивов, подходов к созданию образов и художественного пространства в произведениях Н.В. Гоголя и повести «Дьяволиада» М.А. Булгакова.

Автор прослеживает трансформацию тех художественных приемов, с помощью которых сконструирован фантазмагорический художественный мир «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя, в творчестве М.А. Булгакова на

примере повести «Дьяволиада». К числу таких приемов автор диссертации относит вторжение фантастического в повседневную жизнь, в результате чего в повествовании происходит столкновение обыденного и мистического планов. Отмечается также роль имен собственных при создании гротескных образов и гротескной реальности. Анализируется общий для повестей «Вий» и «Дьяволиада» мотив вызова нечистой силы, обращения к дьяволу. Здесь автор делает небольшое отступление с тем, чтобы предложить интересную собственную интерпретацию повести «Вий» с привлечением, кроме прочего, также и новейшего киноматериала. Помимо этого, соискателю удастся провести детальный сравнительный разбор образа «маленького» человека в произведениях Н.В. Гоголя и в повести М.А. Булгакова. Здесь автор останавливается на целом ряде аспектов, важнейший из которых – смена регистра повествования: когда писатель по ходу рассказа несколько раз осуществляет резкий переход от смешного к страшному, от комедии к трагедии, от низкого и убогого к высокому. Анализируя этот прием, автор диссертации привлекает богатейшую специальную литературу, в частности работы Михаила Эпштейна и Самуила Лурье.

Один из наиболее интересных фрагментов диссертации составляет сопоставительный анализ тех средств, с помощью которых Гоголь и Булгаков описывали нечистую силу. Автор обращает внимание на важнейшую деталь – провокативный характер облика представителей темных сил, которая выбивает зрителя из привычной колеи, вызывая сначала недоумение, а затем – безотчетный страх. Таким образом, внешний облик оказывается одним из способов нагнетания тревожного ожидания, то есть суггестии.

Автор также обращает внимание на то, что в повестях Гоголя и в повести Булгакова соседствуют два мотива: вторжение мистики, связанное с присутствием нечистой силы, и умственное помешательство, раздвоение личности. Автор прослеживает корреляцию этих мотивов в повести «Записки сумасшедшего», «Дьяволиада» и романе «Мастер и Маргарита».

На основе детального разбора произведений Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова автор приходит к выводу о том, что пространство зловещего хаоса, в которое превращается Москва в результате вмешательства нечистой силы, имеет родственную природу с Петербургом из классического петербургского мифа, основой которого во многом являются «Петербургские повести» Н.В. Гоголя. В этом месте автор делает существенную оговорку: в отличие от подробно и рельефно описанного Петербурга из повестей Гоголя, Москва «Дьяволиады» – скорее некое абстрактное пространство. Москва в произведении Булгакова едва угадывается по нескольким не самым значительным деталям. Город еще

не играет в этой ранней повести той исключительно важной роли, которую он будет играть впоследствии в романе «Мастер и Маргарита».

Основная задача второй и третьей глав диссертации – показать, что мистическая повесть «Дьяволиада» и роман «Мастер и Маргарита» с одной стороны, и научно-фантастические повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце» имеют общую ирреалистическую основу. И что, соответственно, в обоих случаях является пространством, где пересекаются плоскость и вертикаль, где обнаруживаются двери в иное измерение.

Во второй главе детально рассмотрена структура пространства и времени в повести «Роковые яйца», отмечена его циклическая основа. Отдельно проанализирован каждый из этапов жизненного цикла города. Автор показывает, что на протяжении повести Москва дважды переживает два полных жизненных цикла от упадка до восстановления и расцвета. Центральному событию повести – нашествию гигантских ящеров – предшествует нагнетание тревожных ожиданий. Писателем начинает активно использоваться мистическая символика цвета и звука, зловещих предзнаменований. В повести появляются персонажи, чей портрет создан по тем же принципам, что и портреты слуг дьявола в мистических повестях, а впоследствии и в романе. По мере приближения катастрофы возникает и усиливается мотив всеобщего сумасшествия, атмосферы горячечного бреда, в которую стремительно погружается город. Главные действующие лица – Персиков и Рокк – на этом этапе изображаются как безвольные инструменты в руках неких высших темных сил, которые не называются вслух. Эти детали, взятые вместе, создают некий подспудный мистический фон или неявную мистическую подкладку научно-фантастической повести.

Автор диссертации делает несколько любопытных комментариев относительно жанровых особенностей повести «Роковые яйца», прослеживая ее связь с готическим романом, с одной стороны, и современными образцами жанра «horror», с другой, отмечая использование Булгаковым приема суггестии, мнимой разрядки и прочих.

Автор исследования справедливо указывает на композиционную диспропорцию: развязка слишком стремительна по отношению к развернутой экспозиции и кульминации. Писателю потребовалось буквально несколько слов для того, чтобы свести катастрофическое развитие событий к благополучному финалу. Правда, для этого потребовалось уже явное вмешательство неназванных высших сил – *deus ex machine*. Таким образом, мистическая подоплека событий в финале становится очевидной.

Губительность попыток какого-либо человеческого вмешательства в естественный ход вещей – идея, объединяющая повести «Дьяволиада» и

«Собачье сердце» и роман «Мастер и Маргарита». Эту мысль автор диссертации обосновывает в третьей главе своего исследования – «Собачье сердце: система конфликтов и «фантастический реализм».

Исследователь показывает, что конфликт обуреваемого гордыней человека и подразумеваемого Творца в повести начинается с описания пациентов профессора Преображенского – жалких, смешных, уродливых и порочных существ. Гениальный ученый, движимый заботой об улучшении человеческой природы, по сути дела, потакает человеческой глупости и низменным страстям.

Наиболее отчетливо конфликт обозначается в момент проведения операции по пересадке гипофиза, когда происходит трансформация внешнего облика самого хирурга и его ассистента: в них явно проступают демонические черты, они изображаются как палачи, расправляющиеся с беззащитной жертвой. Автор диссертации проводит удачную и убедительную параллель между первой частью повести и волшебной сказкой, где нечистая сила, приняв человеческий облик, заманивает к себе будущую жертву, чтобы потом погубить ее. Тот же зачин мы встречаем в повести Н.В. Гоголя «Вий».

Исследователь также подробно рассматривает как в повестях «Дьяволиада» и «Собачье сердце» функционирует пара профессор-ассистент, отмечая, что действия Персикова, приведшие к катастрофе, в отличие от действий Преображенского не являются преднамеренными и осознанными. Он сам скорее жертва рокового стечения обстоятельств.

Наиболее очевидным образом черты мелкого беса просматриваются в образе Шарикова, который, как показывает автор диссертации, легко соотносится с образом фольклорного оборотня. Здесь имеет место своего рода инверсия: если в народных легендах оборотень – человек, превратившийся в опасного зверя, то в повести, напротив, безобидный зверь оборачивается страшным человекообразным существом.

Автор обращает также внимание на то, что в повести «Собачье сердце» гипофиз играет роль души из легенд о переселении душ и воскрешении умерших.

Далее автор указывает на то, что в ходе развития сюжета повести происходит радикальная смена диспозиции и расстановки сил: жертва превращается в монстра, а палач, соответственно, в жертву. Квартира профессора становится ареной локального столкновения, в процессе которого Шариков стремится вытеснить профессора из собственного дома. Он почти достигает своей цели, что заставляет профессора, исповедовавшего принцип ненасилия, и доктора прибегнуть к повторной операции. Как справедливо отмечает автор, повесть

можно рассматривать как описание своего рода спиритического сеанса, в результате которого душа умершего Клима Чугункина сначала извлекается из небытия, а затем – возвращается обратно.

В диссертации прослежены пути развития мотивов и образов, перешедших из повестей в роман «Мастер и Маргарита». К их числу относится мотив высокого покровительства, который впервые встречается в повести «Роковые яйца», проходит через повесть «Собачье сердце» и полностью реализуется в романе; образы дьявола и его свиты от повести «Дьяволиада» к роману; мотив газетной сенсации и уличных слухов, которые как будто материализуются в маленьких чертенят, перешедший из гоголевской повести «Нос» и так далее.

В Заключении автор еще раз подробно аргументирует тезис о том, что московские повести М.А. Булгакова делятся на мистические и научно-фантастические по сугубо внешним признакам. В то время как по сути все три произведения имеют мистическую основу и направленность, выраженную более или менее явно. Соответственно, художественное пространство повестей является территорией столкновения и взаимодействия сил рая и ада. Эта установка получит развитие в романе «Мастер и Маргарита».

В Заключении автор осуществляет еще один любопытный ход: рассматривает Москву булгаковских повестей сразу в двух плоскостях. Один из них – московский текст русской литературы, а второй – мистическое пространство русской литературы, где Москва соседствует, к примеру, с Петербургом «Медного всадника» А.С. Пушкина и петербургских повестей Н.В. Гоголя. Миф о Петербурге как городе искусственно созданном и находящемся в постоянном противостоянии с природой и литературный миф о советской Москве, чья органика подорвана изнутри вторжением советского абсурда, приравненного к вмешательству нечистой силы, оказываются родственными друг другу.

В связи с этим возникает вопрос относительно перспективы развития этой темы.

1. Насколько актуально противопоставление или, напротив того, сближение московского мифа с петербургским в романе «Мастер и Маргарита», который также многократно упоминается в работе наряду с московскими повестями?
2. В работе сделано замечание относительно того, что в повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце» Москва и московская квартира Преображенского занимают то же место, какое в общей композиции занимает Киев в романе «Белая гвардия» и дом Турбиных. Можно ли в

связи с этим говорить о параллелях и сближениях литературных мифов о Петербурге, Москве и Киеве?

Вопросы носят исключительно уточняющий характер и никоим образом не ставят под сомнение фундаментальных выводов, сделанных автором работы.

Работа снабжена обширным Библиографическим списком.

Автореферат соответствует содержанию диссертации и раскрывает ее основные положения.

В целом диссертация Ли На "Миф о Москве в «Московской трилогии» М.А. Булгакова («Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце»)" полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 862 от 24 сентября 2013 года, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Кандидат филологических наук,

Критик литературного журнала «Знамя» О.В. Бугославская

Подпись О.В. Бугославской утв. верно.

Отв. секретарь журнала "Знамя"

Елес (Е.С. Халеева)